

Н. Русова, В. Шевцов

«ПОЭТЫ»

Это стихотворение написано Блоком в том же 1908 году, что и «О доблестях, о подвигах, о славе...», однако как резко первое отличается от второго! Казалось бы, утонченный лирик просто не способен на такую уничтожающе-резкую характеристику своих собратьев по профессии, на такую саркастическую иронию, которая пропитывает первую часть стихотворения. Трудно изобразить деятелей искусства более отталкивающе, чем это сделал Блок. Чего стоит их место жительства — печальное и зыбкое болото; развернутое сравнение: «вылезали из будок, как псы»; наречия, определяющие их действия: «цинично», «тупо», «рьяно»... В этом контексте уничтожающе-иронически выглядят и мечты «о веке золотом», и слезы над цветами и «маленькой тучкой жемчужной».

И вдруг... После итогового заявления «так жили поэты», после решительного — и тем не менее иронического — обращения к «читателю-другу» следует не менее категоричное утверждение, что даже такая жизнь намного достойнее «обыательской лужи», в которой пребывает этот самый читатель:

...По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой...

Все упомянутые атрибуты поэтического мира внезапно обретают подлинное и высокое значение, поскольку они недоступны обыденному, обывательскому сознанию. И далее замечательная характеристика поэтического вдохновения как «всемирного запоя» — слово «запой» из отрицательного лексического ряда первой части стихотворения, но эпитет «всемирный» придает этому словосочетанию совершенно неожиданное значение, связанное, пожалуй, с причастностью к вечным проблемам мироздания.

Гневное отрицание обывательского осуждения, которым часто сопровождается жизнь поэта, заканчивается горделивым *stredo* автора:

Пусть я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Неповторимое своеобразие этому стихотворению придает сочетание семантически обобщенной лексики (город, поэты, дружба, читатель) — с ярко-индивидуальными наименованиями свойств и действий («усердные работы», «болтали цинично и пряно», «море горело», «золото прохожей косы», «бессильные потуги», «кущая конституция»). Ироническое, но достаточно спокойное повествование первых пяти строф буквально «взрывается» восклицательными, вопросительными, отрицательными интонационными оттенками заключительной части.

Стихотворение блистает всеми красками иронии; уничтожающе выглядит даже обращение «милый читатель». Характерно, однако, что иронический пафос в последней строфе переходит в пафос утверждения; даже сравнение «пускай я умру под забором, как пес» звучит диаметрально противоположно предыдущему:

...Потом вылезали из будок, как псы...

На редкость подходит саркастической интонации избранный размер — амфибрахий с мужскими рифмами в нечетных строках. Как всегда у Блока, очень богата звуковая инструментовка — чего стоит одна «куЦая конституЦия» или затрудненное «р» в строках:

Под утРо их Рвало. Потом, запеРшись,
Работали тупо и Рьяно.

Наконец, отметим весомую многозначительность образов снега и вьюги, возникающих в самом конце. Со времен цикла «Снежная маска» (стихи 1907 года, посвященные Н. Волоховой) для Блока снежные вихри, метель, среброснежная ночь — это символы любви, тайны и творчества.